

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 17

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна
За кулисами улыбки : стихи / Надежда Калашникова ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 80 с. : ил.

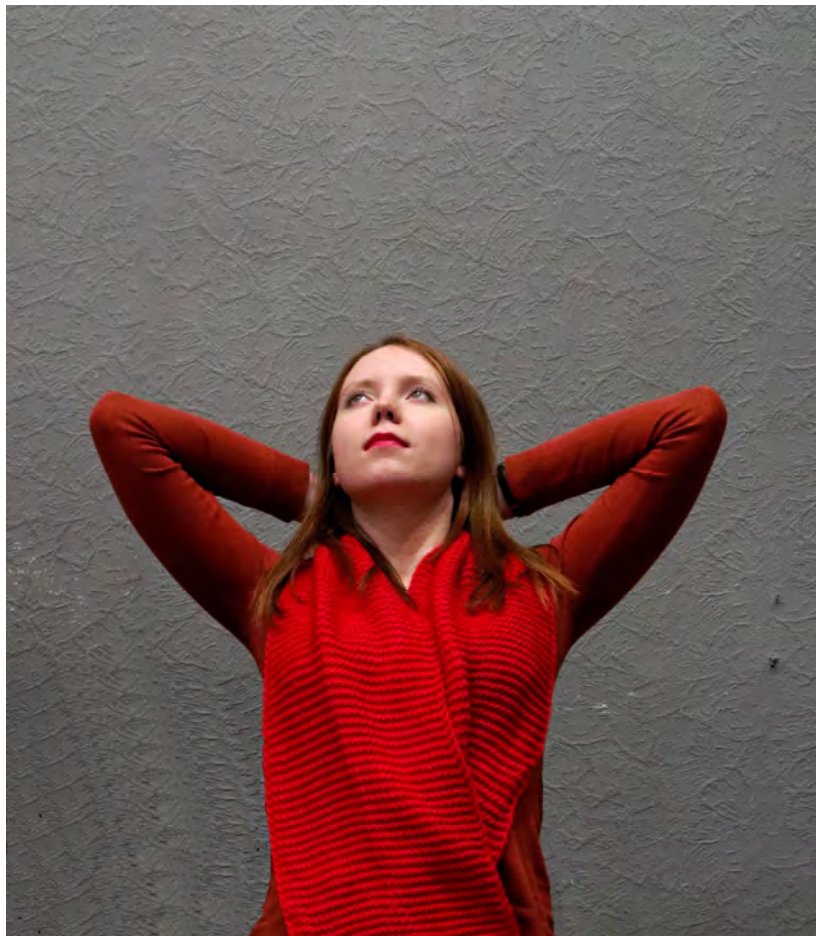
Надежда КАЛАШНИКОВА

За кулисами улыбки

Стихи

Новокузнецк
2017

©Надежда Калашникова

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. С 2009 по 2016 год клубом «Контакт» выпущено около десятка книг прозы Надежды Калашниковой. Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу).

«За кулисами улыбки» – первая книжечка стихов Надежды.

Несколько букв

1. Несколько букв

Несколько букв
растворились в моей крови.
Несколько букв – имя твоё.
Обычных несколько букв
разошлись по аортам, опутали мозг,
кости прошили насквозь.
Несколько букв – имя твоё,
отчество и фамилия,
адрес и телефон –
это лишь мёртвые буквы и цифры,
не могущие передать
мальчишескую улыбку под сенью седых волос
или недетски спокойный взгляд тёмных глаз.
Я не могу определить твой возраст –
паспорт не даёт ответа на этот простой вопрос.
Отчего же несколько букв алфавита
греют меня изнутри,
словно языки пламени,
обвивающие ноги привязанной к столбу ведьмы?
Кажется, или уже поднимается дым,
и врывается в ноздри запах начавшей гореть кожи?..
Я не чувствую боли.
Ведь это всего лишь несколько букв –
несколько букв твоего имени.

2. Если

Если ты уйдёшь,
я не заплачу.
Солнце всё также
будет светить в небесах,
в ветреный день укрываясь за тучей.
По-прежнему
сине-зелёный шар
будет вращаться под моими ногами.
Клейкие листья весны
протянут навстречу нагие ладони –
как год назад, и как тысячу лет спустя.
Если ты уйдёшь,
мир не взорвётся осколком кровавой шрапнели.
Только незримой тенью
на тонких маленьких ножках
следом за тобой направится моё сердце,
куда бы ты ни пошёл.
...Случается иногда –
сердца обретают ноги
и гуляют отдельно от тела.
Это хорошо известно
из вечной русской классики ещё со школьных времен.
И одно печалит меня
благодушными вечерами:
если я уйду – ты не заметишь,
если ты уйдёшь – на тонких ножках
сердце следом уйдёт за тобой.

3. Кружка

Стеклянная кружка
с толстым дном
и нелепым рисунком сбоку.
Кажется, на нём изображён
один из двенадцати знаков зодиака.
Я не верю в пророчества звёзд,
но отчего-то
нелепый рисунок
вновь и вновь притягивает мой взгляд.
Может быть, я слегка завидую
стеклянной кружке:
ведь когда в ней плещется зелёный чай
или чёрный кофе,
она мягко ложится в объятия твоих ладоней.
Я не верю в звёзды.
Может быть, поэтому они
капризно изгибают брови, под нос усмехаясь:
ведь астрологи с древности твердят
о совместимости наших знаков.
Какое, право, великолепное чувство юмора!
Я аплодирую ему стоя.
...А стеклянная кружка
с нелепым рисунком
по-прежнему ждёт, когда в неё нальют зелёный чай.
Или чёрный кофе.

6. Виноград

Графин.
Два стакана.
Колченогие стулья –
помнится, я всё время
запиналась об их криво приделанные ножки.
В твоих глазах
не отражалось закатное солнце –
только тусклая лампочка
освещала обнявший террасу виноград.
И это были единственные объятия того вечера.
...Я не помню вкуса
стекавшей наливки
и уж тем более – разговора.
Но если бы мне
вновь предложили
запинаться о неудобные стулья –
то пошла бы, не глядя.
Не люблю синяки.
Просто виноград
так нахально обнимал
террасу...

7. Перстень Соломона

*О том, что это пройдёт,
Твой перстень лжёт, Соломон.
А. Асонова, «Суламифь»*

Твои руки свободны
от колец и модных сейчас печаток,
но порою мне кажется:
на них не хватает гранёного перстня
с древней, как горы, надписью.
Библейский царь
на израильском троне
был, конечно, стократ тебя мудрее.
Но чья же вина, что я Суламифью –
«...сильнее, чем смерть» – на запотевшем стекле.
А за окном
тополя тонут в небе,
и ветер сгоняет
облака на совершенно неприлично
изогнувшийся горизонт.
Соломон, нагло врёт твой
несуществующий перстень:
пока на одном дыхании
чьи-то руки выводят «Песнь песней» –
ещё ничего не прошло.

8. Солнце

Солнечный луч,
заплутавший в твоих волосах, –
жёлтая роза разлуки.
Твой путь идёт прямо,
мой – свёрнут змеёю.
Ничьей нет вины.
Лишь солнце в твоих волосах
жжёт глаза мне,
будто впрямь я смотрю на светило.
Смертным удел – дорога.
Редко они совпадают.
Нам не сойти с лёгших под ноги троп,
только, пока ещё замерло время,
солнца коснуться позволь.

9. Солнечный луч

Ты же помнишь,
как солнце садится в горах?
В считанные секунды
ласковый вечер сменяется мраком
и холодом веет с вершин, как с могил.
Горы – в тысяче километров,
но, когда за тобой закрываются двери,
моё солнце также стремительно гаснет,
и холод, как тать, ползёт из углов.
...Знаешь,
ночь ведь тоже бывает прекрасна.
Рыжие искры костра греют тело,
синие искорки звёзд греют душу.
Я не боюсь холода,
я не боюсь темноты,
одиначества – мне ли бояться?..
Раньше ли, позже,
лучом рассветным
твоя улыбка скользнёт мне в ладони.
Полюбуюсь – и отпущу.
Солнечный луч не приручишь,
а я – не боюсь темноты.

10. (He) рядом

Мы не вместе, но рядом, значит, так надо.
После 11

Солнце

ласкает тебя и меня
одинаково жарко.

Река

покачивает нас на своих волнах –
кого ближе к устью, кого у истока –
но оба мы нежимся в её объятиях,
и оба не размыкали бы их до утра.

В один горизонт –

пусть различен его изгиб –
устремляются наши взоры,
утомившись от пёстрых будней.

Мы не рядом,

но нет причин для тоски:
каждый промчавшийся ветерок,
каждый камешек под ногами,
каждая упавшая капля летнего дождя –
это тоненький мост,
перекинувшийся над пропастью,
это мост от меня до тебя.

11. Сквозь время

*Степная кобылица
Несётся вскачь!*
А. Блок

Конечно, забуду.

Конечно, растает

твой облик среди марева кухонной плитки.

Будни, события, люди и чувства –

новые –

лягут пятой великана

на смешную печаль

едва уловимой улыбки.

Я знаю – так будет.

И быть так должно.

Время степной кобылицей скачет.

Шпор ей не надо, не нужно кнута...

Поводья б!.. Да те, как назло, потерялись...

Ковыль под копытами

смялся безбожно.

А я – не былинка?

Не стебель ли – ты?..

Красным султаном

на конскую голову –

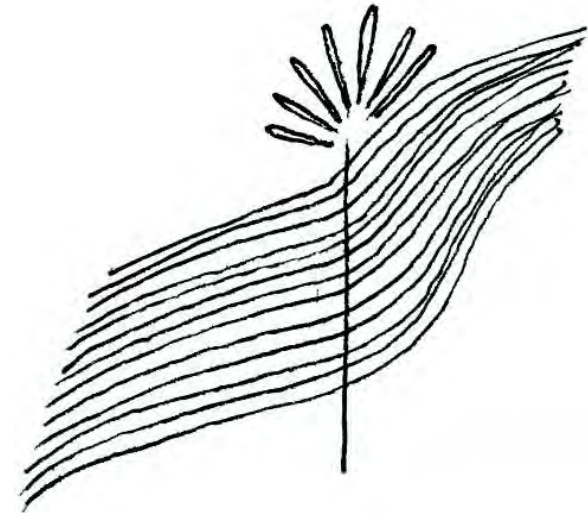
тёплые руки и губы твои.

За кулисами улыбки

Поговори

У меня к тебе
очень наглая просьба.
Такая, что страшно её озвучить,
а не озвучить – ещё страшнее.
Поговори.
Прошу –
просто поговори со мной.
Кажется, это легко и просто,
как глоток холодной воды в стакане.
Ведь с тобой так интересно говорить
и при этом совсем необязательно – разговаривать.
Но песок в твоих перевёрнутых часах
сыплется с ужасающей скоростью.
Я не успеваю
вклиниться между песчинками –
меня заметает песчаная буря.
Наружу
торчит одна голова
с разевающимся в беззвучном крике ртом –
скоро заметёт и её.
Поговори со мной.
Подержи часы на весу –
останови песчаную бурю.

Ведь песчаный смерч
меня засыпал по горло,
а тебе лёг на грудь многотонной плитой
древнеегипетского саркофага.
Быть погребённым заживо –
назовёшь ли страшнее участь?..
Пока не набежали жуки-скарабеи –
поговори со мной.
Можешь при этом не разговаривать.

За кулисами улыбки

*...казаться улыбчивым и простым –
самое высшее в мире искусство.*

С. Есенин

Ты улыбаешься
часто.
Когда рассказываешь истории –
улыбаешься.
Когда нечего сказать –
улыбаешься.
Когда на тебя
как из рога изобилия сыплются потери и неудачи –
одна за другой, будто в очередь встали –
ты улыбаешься.
Кто-нибудь, начиная с тебя самого,
отодвигал в стороны кулисы улыбки?..
Прожектора
светят из углов прямо в глаза,
словно лампочка Ильича в кабинете следователя.
Занавеса
страшно касаться –
ведь он может рассыпаться в ладонях
от неосторожного движения –
настолько ткань обветшала.
Какими нитями
залатать прорехи души?..
Я ступаю за кулисами
на цыпочках,
боясь лишней раз что-нибудь задеть.
Будь проклято твоё искусство!

Тюбик помады

Тюбик помады,
тушь, тени и пудра –
джентльменский набор для леди по утрам.
Город диктует
свои правила.
Мне не хочется от них совсем уж отрываться.
В имидже – не хочется.
И потому
я в два взмаха кисточки удлиняю ресницы
и наношу на губы помаду –
красную.
Других нет.
Как жаль, что тени для век
не могут скрасить отчаяние в глазах,
и не существует ни алого, ни бордового тюбика,
что подарил бы губам улыбку –
настоящую или хотя бы приклеенную.
Впрочем, ещё больше мне жаль мужчин:
ведь они не имеют и такой бесполезной защиты,
как тени на припухших от вновь бессонной ночи глазах.
Кто-нибудь, изобретите такую косметику,
которая будет ретушировать чувства,
или скажите, что со всем этим делать –
для ладони уже тяжёл
чёртов тюбик помады...

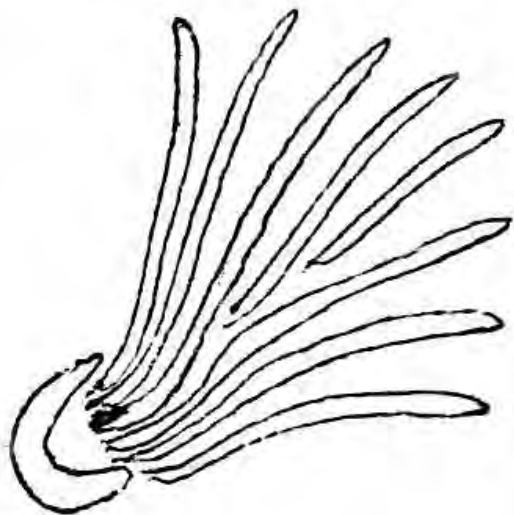
Лягушки

Мне бы хотелось
о многом тебе рассказать.
Как ползёт по ладони
нечаянно влетевший в окно майский жук.
Как сжимается сердце
от незаконченного аккорда
с противоположной стороны улицы.
Как день за днём
пытаюсь лягушкой
допрыгать до края крынки,
сбивая лапами проклятое молоко,
и иногда удаётся, а иногда – нет.
Мне бы хотелось
о многом тебя расспросить:
почему даже прыгающие лягушки
не всегда сбивают молоко в масло,
что тебе нравится есть на завтрак
и отчего так на сердце ложатся
смешавшиеся с облаками заснеженные вершины гор.
...Минутные стрелки
бесстрастно отстукивают арестантскую азбуку.
Две лягушки тонут в молоке молчания.
Вновь трезвонит
чей-то мобильник.

Единицы

Утро. Кофе.
Бег автотранспорта.
Не закрывающийся рот
вечно голодного города.
Словно сошедшие
с бесперебойного конвейера –
лица, маршрутки, дома.
Я не имею ничего против
ни машин, ни домов, ни – тем более – людей
(хотя с последним можно порой и поспорить).
Но неужели
неприменно нужно
мчаться, бежать, нестись –
как будто все вы водители «скорой»
и где-то умирает человек
с пробитым черепом или сердечным приступом.
Масса
всегда отвратительнее
единиц, её составляющих.
Но единицам
катастрофически не хватает времени
побыть единицами –
будничное колесо
сбивает их в хаотичную толпу
ничего не значащих цифр.

Таблица умножения
перепуталась,
простейшие арифметические действия
не работают,
что уж говорить о квадратных уравнениях
или дробях с разными знаменателями...
Допиваю дрянной кофе.
Моя многоэтажная дробь
вновь пылится на дальней полке.
Пытаюсь не забыть, как считают на пальцах.

Документ

Дата
не та.
Подпись
не там.
И готовый документ
вновь отправляется в переплавку
и путешествие
по Новому Свету старых инстанций.
Но ведь бумага –
не Марко Поло:
она не проложит новых маршрутов.
Она также
не золото и не металл –
её пользу нельзя потрогать,
и на ней не начертано:
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»,
чтобы пользу нельзя было измерить руками.
Откуда такое пристальное внимание
к простому орудию делопроизводства?
Впрочем,
орудие, ставшее целью,
всегда обращается против своих.
...Звонит поутру будильник.
Пора снова
играть роль мишени.

Электронный соловей

*...а ходят в праздной суете
разнообразные не те.*

Е. Евтушенко

Вибрация –
клювом в бедро из кармана.
Конверт на дисплее мобильного.
Пытаясь унять дрожь в пальцах,
нажимаю «открыть».
«Уважаемый абонент,
на вашем счету закончились средства».
Банкомат –
за углом и налево.
На повороте
мобильник снова щебечет
проснувшейся раньше всех птицей.
«Как делишки? Привет!» –
и улыбочивый смайлик –
долькой лимона без сахара.
Натягивая на лицо
такую же кислую улыбку,
печатаю что-то вежливое в ответ.
Едва телефон
спускается во мрак кармана,
как вновь начинает заливаться июньским соловьём.
Птичку
не жалко.
Ей хочется свернуть шею.
Проклятый электронный соловей
поёт о ком угодно, только не о тебе...

Без тебя

Кажется,
я привыкла.
Пить утром кофе,
идти на работу,
гулять вечерами,
вглядываться в немигающие ночные огни –
без тебя.
Я привыкла.
Уже
ни капли не грустно.
И сердце не сжато
холодной тяжёлой лапой,
будто сердце – это мокрая тряпка,
которую надо как следует выжать.
Без тебя я смеюсь,
отдыхаю и плачу –
снова чёртовы туфли мозоли натёрли.
Закрываю глаза,
открываю глаза –
на траве, на стене, на машинах,
на экране компьютера и на своих ладонях –
всюду вижу тебя. Без тебя...

На одной планете

Кривоватый
асфальт. Сотни машин
ласкают его колёсами –
в том числе и твоя.
Выщербленный пол.
Десятки пар
ботинок и туфель
шаркают по нему каждый день –
мне есть дело лишь до одной
(разумеется, после своих чёрных туфель
на тонкой шпильке).

По невысокой мягкой траве
ходишь ты иногда босиком –
и зелёный ковёр кажется мне приветливей,
чем он есть на самом деле.
Мир обретает
новые краски
и играет радугой в капле пролитого чая –
просто потому, что ты живёшь в этом мире,
просто потому, что ты ходишь со мной по одной планете.

Маска

Маска
из дешёвого картона,
усыпанная столь же дешёвыми блёстками,
закрывает моё лицо.
На стене в ряд
висят ещё два десятка её товарок –
недостатка в выборе нет. Лишь избыток.
Дешёвые блёстки
забиваются в нос и в глаза,
и я почти ничего не вижу.
Маска
нужна повсюду.
Без неё
неприлично выйти из дома –
это хуже, чем пройти по проспекту голым.
...Под дешёвым картоном душно.
Он воняет резиновым клеем.
Кажется, я начинаю задыхаться.
Но иногда
задохнуться проще, чем снять проклятую маску.
А ещё порой сложно разобрать,
где кончается раскрашенный картон
и начинается твоя кожа...

Ночные огни

Ночные огни –
живые.
Вон тот
качающийся Угловой Фонарь
безнадёжно влюблён в далёкую Открытую Форточку.
А мигнувшие на повороте
сестрёнки Фары –
как девчонки из старой группы «Тату» –
столь же дерзкие авантюристки.
Россыпь Уличных Фонарей
застыла в шеренге солдатами.
Они борются с темнотой,
и обычно одерживают победу –
если хватает боеприпасов-лампочек.
Подъездная «Кобра»
грозна и мрачна.
Трудно быть приветливой,
каждую ночь любясь на окурки и шелуху от сёмок.
Однако ж её работа
так же полезна, как и у остальных (если не больше),
а потому она, хоть и мрачно, но светит.
Ночные огни –
живые.
Стоит только взглядеться чуток.
И, может быть, поменять уже наконец
перегоревшую Лампочку...

Бусины мгновений

Упавший цветок

Серое небо,
серые стены,
серый асфальт –
красная капля оброненной розы.
Так скуку сжигает любовь,
так в будни врывается острая радость,
танцую на острой же грани ножа.
Лепестки разлетелись
звёздным летним дождём,
и серость асфальта качнулась небесной синью...
Так в упавшем цветке
обрести можно целый мир.
Так, упав самому,
можно новые крылья раскинуть.

Горному Алтаю

Рыжие скалы,
пропахшие солнцем.
Бирюза шумных рек,
опоясавших склоны.
Россыпь
маленьких фиолетовых цветов,
затерявшаяся у подножия сосен.
Ты
не выходишь на фотографиях.
Тебя
не облечь в кружево слов.
Тебя
можно лишь жадно трогать –
глазами, руками, подошвами, колёсами автомобиля, –
как в первый раз,
как в последний раз.
И, уходя, уезжая обратно,
сорвав на прощание
маленький фиолетовый цветок –
забрать тебя в нём с собою.
Я видела море,
я знала другие горы,
я ходила по разным городам –
корнями никто так не врос в моё сердце,
как твои рыжие скалы,
опоясанные бирюзовыми реками.
...Ровно год каждый день вспоминаю тебя.

Вкус счастья

Рюкзак,
удобные джинсы и
не менее удобная обувь –
вот необходимые компоненты счастья.
Следующие ингредиенты
можно добавлять по вкусу:
колёса велосипеда,
автомобильные шины,
размеренный стук поезда по рельсам
или копыт ишака, взметающих облачко пыли, –
лишь бы змеёю свивалась дорога,
вдаль уводя, возвращая обратно.
Лишь бы за каждым поворотом
открывался невиданный ранее простор.
Не приедается это блюдо.
Тот, кто хоть раз его попробовал,
будет стремиться вновь ощутить
привкус ветра новых земель –
хотя бы и с мелкими застревающими песчинками –
вкус дороги. Вкус счастья.

Мгновения

В августе
напротив моего окна
светит самая яркая звезда.
Подростком
я тихо открывала раму,
ёжась, укутывалась в одеяло,
и болтала со звездой, вдыхая аромат ночного города.
Иногда
мы обе молчали –
и молчание это проливалось на утро ливнем.
Порой
мы мурлыкали старый мотив:
«а для звезды, что сорвалась и падает...»
Тогда мою шею
украшало ожерелье из прекрасных мгновений.
...В один злосчастный день
застёжка ожерелья лопнула,
и мгновения рассыпались по полу горохом.
Не сумев их собрать,
я научилась грустить о прошлом
и тревожиться о будущем –
но эти умения ещё никого не украсили.
Снова август.
Если открыть окно
и поговорить со звездой –
может быть, она подскажет,
где найти нить и прочную застёжку,
чтобы начать нанизывать бусины новых мгновений.
Звёзды ведь ничего не забывают.

Звёзды

Проснись!
Дай мне руку,
я покажу тебе звёзды.
Ночь темна, словно плащ убийцы,
и остёр звёздный блеск, как кинжал под плащом.
Преступление – спать в эту ночь.
Пойдём же скорей,
я покажу тебе звёзды.
Клянусь, ты их толком ни разу не видел.
Я зачерпну для тебя
глоток Млечного Пути.
А потом мы прокатимся на Гончих Псах
и заглянем в берлогу Большой Медведицы.
Бьёт призывно
могучим копытом Кентавр,
и сошлись Близнецы
то ль в объятьях, то ль в споре.
Равновесие зыбко –
накренились опасно Весы,
и сорвался Орёл с облюбованного гнездовья...
...Как же крепко ты спишь.
Завтра рано вставать.
Я, пожалуй, ещё звёздным небом постранствую.
Попадётся вдруг безымянная звезда –
назову её твоим именем.

Маме

*Мама, мы все тяжело больны,
Мама, я знаю, мы все сошли с ума.*
В. Цой

Мама,
дочь твоя сходит с ума.
Сквозь кривую улыбку её
ядом стекает боль.
Каплет отравы на руки,
сбегает вниз по ногам,
утопая в тяжёлом персидском ковре.
Мама,
как там, за занавесом облаков?
Видно ли землю хоть краешком глаза?..
Или же тихой струны напев
скрыл пеленой всё, что здесь осталось?
Разговор оборвался
где-то на первых нотах –
видно, жизни нам было мало, тянули до края.
Эхом из детства,
полузабытым осколком на пьяных губах,
шёпотом громче набата по готовым взорваться вискам –
мама...

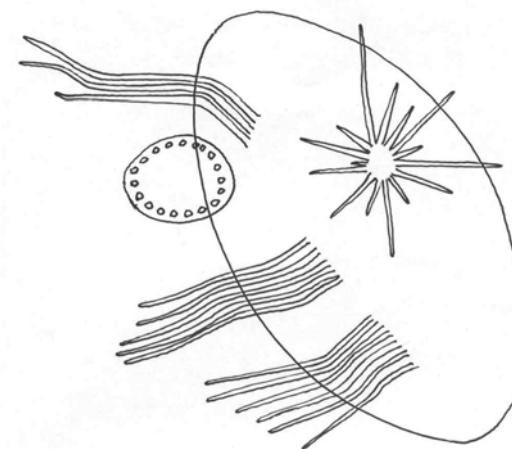
Кошка

*Мерцающие глаза
светятся в ночной темноте
из-под громады дивана.
Мягкая лапа,
лёгшая на запястье,
вцепляется острыми коготками.*
Кошка
давно уже спит вечным сном
в корнях яблони, раскинувшейся под моими окнами.
По весне яблоня
распахивает райские объятия аромата,
а цветы её белы, как шерсть моей кошки.
Видимо, неплохим удобрением
послужило закопанное кошачье тело.
Вокруг говорят:
«Заведи котёнка»,
а мне до сих пор мерещатся
мерцающие глаза в темноте дивана
и мягкая лапа на моём запястье.
Правда, на нём теперь больше нет царапин.

Медуза

Ночной шторм
выстлал прибрежную гальку
живым бледно-жёлтым ковром медуз.
Недолго ему оставаться живым:
уже розовеет
узкая полоса на границе воды и неба.
Но неожиданно
рано вставший мальчишка
сдёрнул с головы кепку
и принялся в ней таскать медуз к воде.
Пацан, тебе нечем заняться?
Посмотри-ка вокруг получше:
через двадцать минут взойдёт солнце,
а медуз на берегу – несчётные тысячи.
Мальчишка в ответ
протянул кепку –
там на десятке товарок
распласталась самая большая
и самая красивая медуза.
Ворсинки на смешных щупальцах,
дрожжа и переливаясь,
отражали в миниатюре целую вселенную.
«Ты скажи про несчётные тысячи
вот этой самой медузе».
Так ответил мальчик
и побежал
опустошать кепку,
чтобы вновь её наполнить.

Двадцать минут иногда
важнее тысячелетия.
Когда вновь заговорят
о больших масштабах и маленьком человеке –
вспомни эту медузу.
Доброта обитает не в числах.

Кубок цикуты

Кубок цикуты,
бокал нектара,
чашка зелёного чая...
Слишком разные, говоришь, напитки?
Mon amie, а ты в этом уверен?..
Из ладоней иных
примешь вроде нектар –
да зайдёшься в кровавом кашле.
А из твоих рук
я не глядя взяла бы кубок цикуты –
морсом в июльский день.
«Если выпьют яд, им не повредит» –
два десятка веков как сказано.
Я б хотела настолько иметь доброты,
чтоб цикута в руках обращалась водой,
как когда-то вода – виноградом.
...Впрочем, что мы всё о высоких материях.
Давай кружку. Пойду заварю тебе чай
твой любимый. Зелёный, с жасмином.

На весах (по мюзиклу «Последнее испытание»)

*За право быть богом расплата любовью –
цена невысока.*

Мюзикл «Последнее испытание»

Если б я знал, что меня ждёт, я бы вышел в окно...
Сплин

Чаши весов колеблются,
грозя расплескать содержимое
и грянуть оземь самим –
с треском, подобным грому.
Чаши –
в руках моих.
Чаши судьбы всего мира.
Если б я знал, что меня ждёт,
я бы шагнул в окно
проклятой Белой башни.
Если б я знал, что меня ждёт,
я бы свернул с тропы,
где встретил светлую деву,
в самую тёмную чашу.
Изодрал бы одежду и кожу в клочья,
лишь бы не душу –
свою и, о боги, её.
Но бог нынче – я,
и весы накренились.
Готова пролиться жизни вода
на раскалённый песок.
За право быть богом
два сердца – в осколки.
Казалось бы – невелика цена...

Смешные боги

Осеннее

Быстро сбрасывает осень
Платье, вышитое золотом,
Что багряною парчою
Услаждало праздный взор.
И, нагая, изгибаясь,
Вскидывает руки-ветви –
Просит ей составить пару
В танце смерти без прикрас.
Где-то за взлетевшей прядью
Вдруг блеснёт косы железо...
Мало храбрых находилось
Этой деве в пару встать.
Гордость – маска из картона:
К одиночеству привычных
Глаз порою не рассмотришь
В пелене от слёз-дождей.
Под разохшейся корою
Всё ж струятся жизни соки.
Тихий шёпот их обычно
Заглушает птичий гвалт.
Музыка осенних танцев –
Тишина. У стенки жаться
Иль шагнуть на танец смерти –
танец жизни –
каждый
выбирает сам.

Зимнее

Чай дымится ароматный.
Тёплый плед укутал ноги.
Книжка как-то незаметно
на пол выпала из рук...
Где ты ходишь, в самом деле,
по такому по морозу?
И особенно обидно,
что ты ходишь без меня.
Сыплет снег без остановки
третий час над фонарями.
Выйти, что ли, прогуляться,
повалиться на сугробе
запрокинув лицо в небо...
Ведь порой за две минуты
можно испытать не меньше,
чем за два десятка лет.
...Зазвенел звонок в прихожей.
Чай тебя уже заждался!
Про себя... смолчу, пожалуй, –
пусть объятья говорят...

Молодость

У тебя – глаза мальчишки,
у меня – старухи взгляд.
Рыжий локон я заправлю,
выбившийся из причёски,
ты седой поправишь волос,
что качнулся над виском...
Сколько лет нам? Сколько шрамов
в наших душах затерялось?
Где ты ключ нашёл волшебный,
молодость твою продливший?
Где свою я потеряла,
хоть годов не прожила
столько, чтобы тень печали
отпечаталась клеймом?..
...Слушай, ты бы согласился
поменять глаза мальчишки
на мальчишечье же тело –
но со старою душой?
...Вот и я не знаю, где же
взять волшебную пиллюлю –
чтоб душа не отставала
на полсотни добрых вёрст...
Ты в ответ вздыхаешь тихо –
а глаза опять смеются...

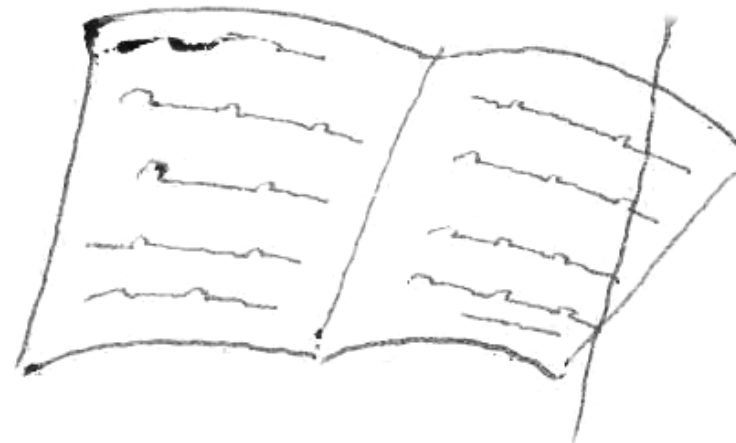
Плюшевый мишка

Мы с тобой – смешные боги.
Заигравшиеся дети,
что игрушку не отпустят,
даже если спать пора.
Детскою, пожалуй, будет
синий шарик на орбите.
А границ предел положен
только в наших головах.
Отчего ж сцепились руки
на обшарпанном медведе,
что от старости потёрся
и ослеп на левый глаз?
В ряд – машинки, Лего, барби –
все красивы и нарядны.
Стоили немало тоже...
Детям дела нет до цен.
Ну а у богов подавно
от цены во рту кислеет:
слишком часто о ней слышат,
слишком редко – узнают.
Оттого-то и дороже
всех иных сокровищ ценных
плюшевый медведь облезлый,
потерявший где-то глаз.
...Боги к вечеру устали.
Время мишку брать за лапу
и умчаться к небесным сводам –
в мыслях или наяву.

Актёру

Камеры прицел туманен:
то ль улыбка,
то ли дуло.
Каскадёров шум привычный
отодвинулся на миг...
В этом кадре нет дублёров:
ты один – как на ладони.
На тебя взглянуло Время,
чуть прищулив левый глаз
и безмолвно вопрошая:
«Что ты мне, актёр, оставишь?
Алым пламенем отваги
моё платье расцветишь?
Или, может, рыжим чубом
посмешить решил ты Время?
А быть может, дымкой грусти –
синевой меня пленишь?
Если по сердцу зелёный –
о любви споёшь весенней.
Я б взглянула на лиловый –
будь он хоть колпак шута
или гения шапчонка
с вышитою «М» неровной...
Лишь бы Мастером ты звался
предо мной и пред людьми...
Лишь бы ты не выбрал серый –
в прахе с пылью я давно уж
перемазана отменно:
много ль чести – пылью стать!

Эта участь всех не минет.
Я прошу – добавь мне цвета...»
Ты моргнул – и всё пропало.
Может, задремал чутка?
Камера качнулась влево.
Ты пред нею беззащитен.
Ты пред нею – всемогущий:
нынче – дьявол, завтра – Бог.

Вечер

Синий вечер лёг на плечи,
словно на колени кот.
Мягкой лапой он погладил
мятно-жёлтый небосвод,
поигрался, как клубочком,
рыжим шариком луны...
И махнул хвостом по склону,
где сидели я и ты.

Незримыми рунами

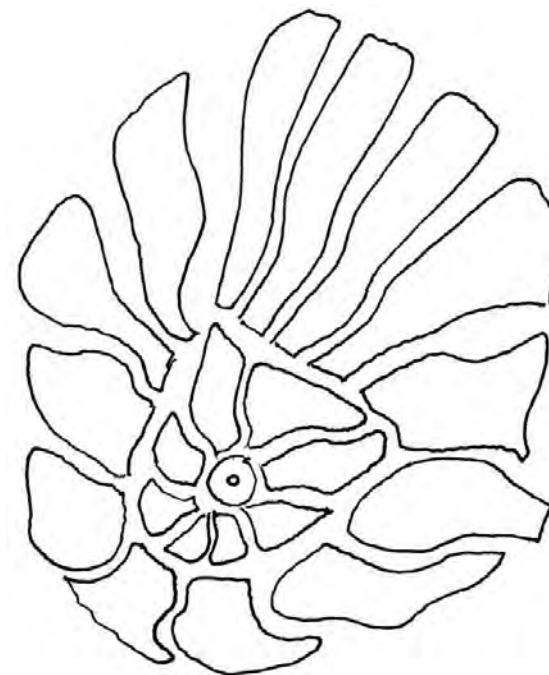
Две надписи

Змеиным объятьем
на старом кольце:
«И это пройдёт».
Смотрю на дорогу,
на мощь рыжих гор,
на улыбки влюблённых
и парящую в облаках птицу –
а в висках отзывается эхом:
«Всё проходит, и это пройдёт».
Незримыми рунами
в зеркале
перечёркнуто отражение:
я – тоже пройду.
Очередь – в ряд.
Хлопок – и на выход.
Вещи можно не брать.
Желающих мало
прорваться вне очереди –
не супермаркет в час пик.
Лишь жадно – смотреть, ощущать всей кожей,
трогать и скручивать до боли в мышцах –
пока – ещё здесь, пока – не прошло!..
...Если ж горечью сердце зайдётся
от необратимой потери –
поверни кольцо Соломона.
И проступит другая надпись:
«Ничего не проходит, мой друг».

Сказочное

Влево – тропинка с изгибом
крутым, как фигура милой.
Коварна, как твоя милая,
в чаще кинет она тебя.
Вправо – ухабы да ямы,
а после – глухое болото,
зато после всех мучений
город найдёшь золотой.
Прямо же нет дороги.
Стоит там гора неприступная.
А что на вершине, а что за горою –
не знает и местный дед.
Может быть, там изумруды
рассыпаны под ногами.
А с ветвей Алконост и Сирин
спор музыкальный ведут.
Может, там ты найдёшь царевну
с сердцем добрым и верным,
или же повстречаешь старуху,
что тебя попытается съесть.
Но, не давши себя изжарить,
запахнёшь поплотнее заслонку,
и пойдёшь по росе навстречу
неизведанным дням и местам...
...Ну а может быть, за горою –
просто серая пустошь и камни.
Заглянув наконец за вершину,
ты скривишься как от плевка:
«И за *этим* я сюда шёл,
обдирая колени и руки?!...»

Закипят злые слёзы туманом,
что горяч столь же, сколь ядовит...
Вытри их. Ничего не напрасно –
ты ходить научился, мой мальчик.
Сможешь сам теперь создать сказку
и воздвигнуть город золотой.

Распутье

Треснув холстом в праздничный день,
по швам расползлась дорога.
Дуют в прореху – в душу ль –
ветра с четырёх сторон.
Влево свернуть или вправо?..
А может, направиться прямо
иль вовсе на месте остаться?..
Как рассудить – верней?
... Чёрный ворон с кургана
что-то негромко каркнет.
С горя ты выучишь птичий,
да только толку – чуть:
«Я не помощник», – он молвит,
набок склонивши голову.
«Это твоё распутье,
и выбирать – тебе».

Небывшее

Не пронёсшийся ветер
от взлетевших ресниц.
Не пролившийся дождь
из набухшего облака.
Вскинет бровь равнодушно
всадник-Судьба.
Тронув шпорой коня,
по прямой дальше двинется –
где от спелых колосьев
прогнулась земля...
Понимаю её. И за ней следом следую.
Только щеки мне всё ж
обдувает порой
от взлетевших ресниц
не пронёсшийся ветер...

На холодную сталь – гладкий ласковый шёлк,
Чтобы скрыть острый блеск до поры.
Моя гордая леди, Ваш преданный Волк
Не дожил до исхода игры.
Щепоть соли – на рану. Дикой птицей тоска
В тёмных волчьих промчалась глазах.
Предан – Вам, предан – Вами... Ах, тема стара!..
Влажный блеск на дрожащих щеках –
отчего, моя леди?

Чай

Нас не было никогда. Только чай зелёный дымился
в кружках жестяных, тонким дразня ароматом.
Дымкой – дымком от чая – мираж клубился,
и в объятьях его невесомых вздрагивал атом.
Нас не было никогда. Мы – обрывки костровой байки,
мы – капли пролитого в спешке жасминного чая.
На поиски тряпки отправилась смерть-хозяйка –
а мы с тобой толком даже не поскучали.

Расскажи мне про уставшее сердце,
Про весну, потерявшую краски.
Расскажи, как мир обсыпали серым,
Как уснули мёртвым сном сказки.
Сколько лет с Армагеддона? Не помнишь?
Ты же взрослый, это всё – придурь.
Нету времени, потом, позже...
Под окном – всадник-Смерть: ждал, милый?

Осколочное счастье

Ночной романс

*Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле.*

Б. Окуджава

«Не обещайте деве юной...»
Ты ничего не обещал.
И я в ответ не обещала.
Лишь лампа тусклая качалась
крылом у твоего плеча.
Лишь хрупкие мои ресницы
подняться не имели сил...
Ну полно, будет!.. Час пробил.
Растает ночь в зари объятьях.
Твой лик у памяти в объятьях –
растает ли?..

Двадцать метров

Стою
на краю обрыва.
Облака под ногами клубятся.
Ширина... метров где-то двадцать.
Мне и этого слишком много.
Ветер треплет полы твоей куртки.
Ветер сильный здесь, на обрыве.
Между мной и тобой – метров двадцать.
Тебе и этого слишком мало.

Ручей

От жажды умираю над ручьём.
Франсуа Вийон

Сижу на берегу
ручья – и не напиться.
Не зачерпнуть воды
ладонью иль ведром,
не поднести к губам
живительную влагу –
мне ею не смочить
и запylённых ног...
Ты – мой ручей.
А солнце – лишь в зените...

Осколки

Осколком месяца – по коже,
По синей жилке на запястье.
Ты любишь пошутить, я – тоже,
Моё осколочное счастье.
Улыбка – радуги осколком
Рассыпалась под сердцем где-то.
И, скрасив шуткой недомолвки,
Мы разошлись по белу свету.

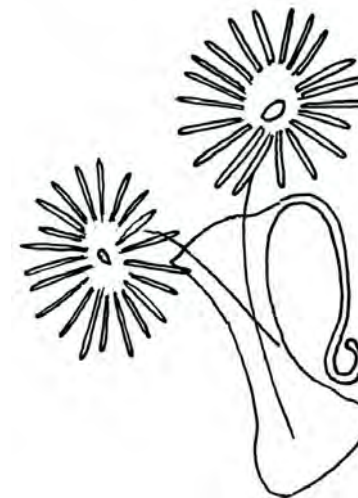
Когда ты устанешь до темноты в глазах,
до того, чтоб «как подводная лодка» –
приходи ко мне. Можешь просто молчать.
Можешь ругаться и пить без закуски водку.
Нет, я не друг. Я женщина, хоть не твоя
(впрочем, кредо кошачье мне всегда душу грело).
Заварю тебе чай, прошептав в него все слова,
что вслух никогда бы произнести не сумела...

Вначале была Роза **(по «Маленькому принцу» А. де Сент-Экзюпери)**

Монолог Маленького Принца

Вначале была Роза.
Капризная, нежная,
вздорная, милая –
единственная.
Шипами проткнула мне душу,
как бабочку.
И когда я ушёл
бродить по далёким планетам –
душа так и осталась болтаться
пришпиленной к деревку – шипам её – тряпкой,
как будто это не душа, а флажок.
А потом появился Лис.
Рыжий, смешной,
непонятный – и милый.
Так казалось на первый взгляд.
Но он сказал, что глазами ничего не увидеть,
и мы стали сидеть вечерами вдвоём,
друг на друга не глядя,
друг друга видя.
Так прошёл целый год,
ну а может быть, месяц –
я не ставил зарубок на коре берёз.

Но на душе у меня появилась одна зарубка –
это след рыжей лапы,
это чёрные когти,
что вонзились рядом с шипами Розы.
И теперь у меня не душа, а тряпка,
обветшавшая и надорванная посередке.
Роза тянет домой,
Лис не просит остаться,
но слепому видно – он дорос до собаки,
что отказывается от еды без хозяина.
Справа – шипы, слева – когти...
Чёрные внимательные глаза-бусины
и тихий шелест лучшего в мире цветка на закате.
Но ведь у меня всего одна душа,
истрепавшаяся, словно на ветру тряпка.
По вечерам
я слышу скрип ветхих нитей –
они готовы порваться.

Монолог Лиса

Мир был прост и понятен,
как хвост новорожденного лисёнка.
Я любил четверги
и не очень любил вторники.
Ведь четверг предвещал
сытный поход в курятник,
ну а вторник – бег наперегонки
с охотничьими собаками.
Мир вполне умещался
в кольцо четвергов и вторников.
А потом любопытный мальчишка
со взрослым лицом
поднял кольцо, покрутил в руках – интересно! –
и нечаянно уронил.
Оно покатилося, подпрыгивая на пригорках –
и я вместе с ним.
...Впрочем, себе не лукавят –
я сам уронил кольцо.
Собственными лапами
вырыл могилу своему спокойствию.
Ведь это я сам
подал идею приручить друг друга,
и ему это удалось,
а вот мне – не очень.

Монолог Розы

Мотылёк, пролетая,
сказал: «Ты прекрасна!»
Это повторил
золотивший мне листья ласковый луч
и запутавшийся в едва раскрывшихся лепестках ветер.
Я поверила –
ведь зачем им было мне врать? –
и стала цвести больше прежнего.
А потом
я познакомилась с Маленьким Принцем.
Ведь каждой уважающей себя розе
полагается принц, пусть хоть и маленький.
Для него она раскрывается каждое утро
навстречу рассвету,
для него продирается сквозь ночные заморозки,
изо всех сил сохраняя свежесть и аромат.
Но принцу об этом знать не полагается.
И Маленький Принц этого не знал.
Он решил, что я – просто красивый цветок,
каких на других планетах, говорят, тысячи,
и отправился в дальнее странствие.
Как ему объяснить, что свою красоту
я отдам за возможность слышать по утрам его голос?..
Но увядшая роза никому не нужна,
а засушенная – тем более.

С корнем

Я бы вырвал твою
чёртову Розу
с узелками корней,
разбрасывая в стороны комья влажной земли
и о шипы обдирая лапы.
Я бы измочалил клыками
обманчиво нежный стебелёк –
и плевать, что придётся сплёвывать красным.
Тончайшие лепестки
изодрал бы в клочья,
проглотил бы все до единого –
чтоб ни клочка не осталось в земле до весны
и не взошло бы новым бутоном.
Но, будучи хищником,
я привык убивать для еды –
и ни для чего другого более.
Трудно менять подобные привычки –
я всё же не человек.
Впрочем,
вся вина несчастной Розы –
в том, что пустила корни в твоём сердце,
и я скорее покроюсь инеем,
чем дам ей хоть немного замёрзнуть.
Как бы ни чесались лапы вывернуть с корнем.

Игра

Лис,
пора возвращаться.
Я заигрался
в странствия.
Я заигрался
с сердцами: они
казались такими красивыми...
Их
так приятно было держать в руках,
наблюдая за переливами и бликами.
Но
пришло время складывать сердца
на полку, в коробку, в пыльный тёмный чулан –
всем играм на свете приходит конец.
Я не знал, что эти красивые игрушки
окажутся такими хрупкими:
так прочны они были на вид.
И теперь
отпуская из ладоней сердце за сердцем –
Лис, время настало, я знаю, так надо, так на...
Лис, я нечаянно выронил
затесавшееся где-то меж вашими сердцами – своё.

Поздно

Моя Роза
завяла.
Нежнейшие лепестки
загубели, пожухли, сжались и пожелтели.
Чёрный тлен
тронул их по краям
мягкой безжалостной лапой.
Время
не знает пощады.
Я упустил свой час.
Я бродил по планетам и долам
в поисках важных вещей.
Часть нашёл, потерял ещё больше –
Лис, мой друг, где ты, как ты сейчас?..
Память Розу хранила,
а родная планета,
что всегда приводил я в порядок,
не сумела её сохранить.

Подарок

Ты подарил мне
маленький новый мир.
Раньше звёзды молчали –
теперь до утра смеются
твоим мелодичным смехом.
Раньше пшеничное поле
прорастало простыми колосьями –
теперь его шелест – шорох
твоих волос на ветру.
Знаешь, прозревшее сердце
не может смотреть по-иному.
Хоть мир и остался прежним
с тех пор, как расстались мы.
Маленький Принц, ты сделал
и впрямь королевский подарок:
улетев на свою планету,
ты собой раскрасил мою.

Хорошо

– Но ты будешь плакать!

– Да, конечно.

– Значит, тебе от этого плохо.

– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо.

А. де Сент-Экзюпери «Маленький Принц»

Чёрные глаза-бусины
смотрят с немым укором.
Рыжий пушистый хвост
скрючился и поник.
Зачем же ты дал себя приручить,
если сейчас тебе плохо?..
Знал бы тогда – я к пшеничному полю
на выстрел бы не подошёл.
Я бы ушёл, убежал, умчался –
быстро, как только мог...
...Мягкая лапа на плечи ложится:
«Не надо. Мне хорошо».

Роза

Я родилась вместе с солнцем.
Я просила ненужный стеклянный колпак,
я просила убрать противных гусениц,
обижалась, смеялась, молчала и вредничала –
потому что не знала, как иначе сказать,
что дороже тебя не найти среди звёзд.
Раньше солнца с утра раскрываясь навстречу
– твоим шагам.
... Будь я менее гордой
иль ты менее глупым –
всё могло быть иначе.
Но решил – так иди!..
Роза в горе – плохое зрелище.

Лису

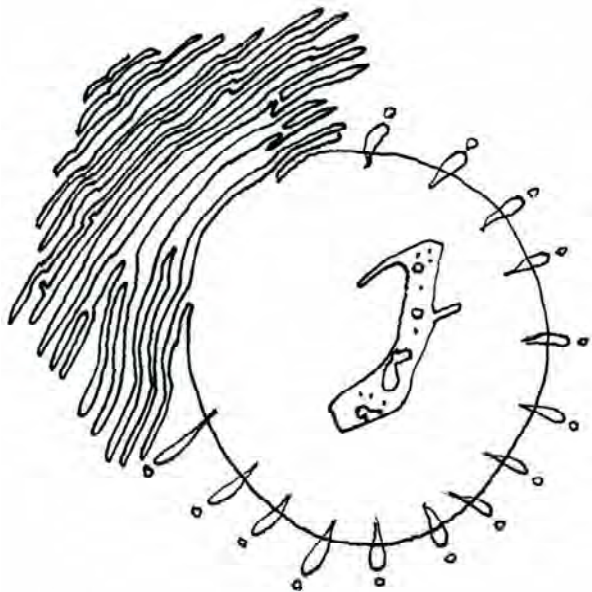
У тебя в лапах –
моё сердце.
И в моих руках
сердце Розы бьётся.
Не игрушка, не мяч –
просто так не бросишь...
Почему нас больше,
чем просто двое?
Разрубить проклятый
гордиев узел
отчего так непросто –
до височной боли?..
Тут кричи – не кричи
в небо бездонное –
но ручные сердца
не стряхнуть с ладоней...

Закат

*– Когда станет очень грустно,
хорошо поглядеть, как заходит солнце...
– Значит, в тот день, когда ты видел
сорок три заката, тебе было очень грустно?
Но Маленький принц не ответил.
А. де Сент-Экзюпери «Маленький Принц»*

Когда
мягкой лапой
грусть ложится на плечи,
вонзая острые коготки
прямо в незащищённое сердце,
и нет рядом друга,
чтобы молча посидеть рядом –
отчего-то когти при этом вонзаются не так глубоко –
лучшее средство – посмотреть на закат.
Яркие краски,
серые сумерки;
с горизонта уходит звезда...
Впрочем,
он обещает утром вернуть её –
если только найдутся силы поверить обещаниям.
Иногда
я не нахожу сил
поверить с первого раза.
Тогда
я разворачиваю стул
и смотрю на закат снова и снова –
на моей маленькой планете
можно позволить такую роскошь.

...Но если однажды
я разворачивал стул сорок три раза
и так и не сумел поверить в восход –
как же люди живут на планетах,
где закат наблюдают лишь один раз за день?..
Видимо, им приходится в утро поверить сразу.
Или – не верить всю ночь.

Прощание

Твоё сердце
ещё беспокойно мечется
от зелёного черенка
до бескрайних пшеничных просторов,
но я уже знаю – ты выберешь Розу.
Всегда выбирают
Розу.
Лис – на мгновение, росчерком
полоснувшей алым хвостом
разговорчивой той кометы.
Только лисы – родня собакам.
Мне комета сестрой не станет,
мне не стать самому кометой:
обернув хвостом лапы, вглядываться в темноту
ночь за ночью, столетье за веком...
Знаешь, Принц, я бы всё равно тебя приручил,
даже если бы знал – вначале.
Сердце зоркое
с радостью стало слепым,
если б надежда оказалась сильнее отчаяния.
Но проклятая мудрость – век бы её не знать! –
по едва уловимым теням на лице всё понимает.
Когда ты, запинаясь, с трудом начнёшь:

«Знаешь, Лис...» –

я отвечу давно заготовленными словами,
что хранились годами – вот им и пришёл черёд.
Шёпот змеиный разносится гулким эхом.
Что ж, прощай. Привет Розе передавай.
...Нам на двоих и яда уже не хватило.

Письмо

Здравствуй, Принц. Что, не ждал? Бывает.
Как дела на твоей планете?
Сквозь укутанный звёздами космос
написать решил пару строк.
Как там Роза? Цветёт – залюбуешься?..
Голова твоя также ли кружится
от легчайших её духов?
Или колоколом по вискам –
тяжелее ствола баобаба?..
Говорят, сладкий трупный запах
аромату созвучен роз...
Я не знаю. Добыча моя свежа.
И, надеюсь, чиста моя совесть.
А пшеничное поле укуталось в снег,
вспоминается всё труднее
жёлто-рыжий закат и сердце перестук
в тишине на краю оврага...
Взгляд твой зорек, на сердце твоём пелена,
не стряхнуть её нежной Розе –
да и я не сумел, только лапы обжёг...
Снег, однако, не лечит ожогов.
...Зимний день быстротечен. Прощаться пора.
Написал бы в ответ ты хоть строчку...

Неотправленное письмо

Здравствуй, Лис.
Ты просил написать.
Я пишу тебе каждый вечер –
строки словно змеиные кольца –
на коленке, на баобабе,
на изгибах звёздных лучей...
Сердце вместо пера мне служит,
но тебе о том знать – зачем?
Где пробито шальной навывлет,
не срастётся ни мех, ни кожа
так, как было... Лишь шрам белёсый –
кривоватой усмешкой судьбы.
...Лучше – дескать, короткая память
да огромные космоса дали –
шутка ли – двести тысяч парсеков!..
(За мгновенье их преодолевал...)
Лучше – Роза, одна на свете,
королева души моей.
*(Та корона давно под стулом,
пыль покрыла золота блеск.)*
Лучше – рана становится шрамом,
если долго не трогать её.
...Ну а я на закат полюбуюсь,
прополю свои баобабы,
а потом сяду вновь за письма,
что отправить не суждено.

Содержание

Несколько букв.....	4
1. Несколько букв.....	4
2. Если.....	5
3. Кружка.....	6
4. Музыка.....	7
5. Улыбка.....	8
6. Виноград.....	9
7. Перстень Соломона.....	10
8. Солнце.....	11
9. Солнечный луч.....	12
10. (Не) рядом.....	13
11. Сквозь время.....	14
За кулисами улыбки.....	15
Поговори.....	15
За кулисами улыбки.....	17
Тюбик помады.....	18
Лягушки.....	19
Единицы.....	20
Документ.....	22
Оборотень.....	23
Ведьма.....	24
Электронный соловей.....	25
Без тебя.....	26
На одной планете.....	27
Маска.....	28
Ночные огни.....	29
Бусины мгновений.....	30
Упавший цветок.....	30
Горному Алтаю.....	31
Вкус счастья.....	32
Мгновения.....	33
Звёзды.....	34
Маме.....	35
Кошка.....	36
Медуза.....	37
Кубок цикуты.....	39
На весах.....	40
Смешные боги.....	41
Осеннее.....	41
Зимнее.....	42

Молодость.....	43
Плюшевый мишка.....	44
Боги.....	45
Тени богов.....	46
Актёру.....	47
Вечер.....	49
Незримыми рунами.....	50
Две надписи.....	50
Сказочное.....	51
Распутье.....	53
Небывшее.....	54
«На холодную сталь – гладкий ласковый шёлк...».....	55
Чай.....	56
«Расскажи мне про уставшее сердце...».....	57
Осколочное счастье.....	58
Ночной романс.....	58
Двадцать метров.....	59
Ручей.....	60
Осколки.....	61
«Когда ты устанешь до темноты в глазах...».....	62
Вначале была Роза.....	63
Монолог Маленького Принца.....	63
Монолог Лиса.....	65
Монолог Розы.....	66
С корнем.....	67
Игра.....	68
Поздно.....	69
Подарок.....	70
Хорошо.....	71
Роза.....	72
Лису.....	73
Закат.....	74
Прощание.....	76
Письмо.....	77
Неотправленное письмо.....	78

Рисунки в тексте – Константина Егорова.
Рисунок на обложке взят из интернета.
Тираж 50 экз.